

Жан Батист Мольер

Мещанин во дворянстве

Комедия в пяти действиях

Перевод Н. Любимова

Стихи в переводе А. Арго

Г-н Журден,

мещанин.

Г-жа Журден,

его жена.

Люсиль,

их дочь.

Клеонт,

молодой человек, влюбленный в Люсиль.

Доримена

маркиза.

Дорант.

граф, влюбленный в Доримену

Николь,

служанка в доме г-на Журдена.

Ковбель,

слуга Клеонта.

Учитель музыки.

Ученик учителя музыки.

Учитель танцев.

Учитель фехтования.

Учитель философии.

Музыканты.

Портной.

Подмастерье портного.

Два лакея.

Три пажа.

Действие первое

Действие происходит в Париже, в доме Г-н Журдена

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

Явление первое

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки (*певцам и музыкантам*)

Пожалуйста сюда, вот в эту залу, отдохните до его прихода.

Учитель танцев (*танцовщицам*)

И вы тоже, – станьте с этой стороны.

Учитель музыки (*ученику*) .

Готово?

Ученик.

Готово.

Учитель музыки.

Посмотрим... Очень недурно.

Учитель танцев.

Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки.

Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев.

Можно посмотреть?

Учитель музыки.

Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев.

Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки.

Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении – это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев.

Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его же блага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки.

Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев.

Признаюсь, я слегка неравнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана – это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда – видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы, – похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки.

Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения – это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Учитель танцев.

В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаете деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени

низменное, что человеку порядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки.

Однако у нашего чудака вы преспокойно берете деньги.

Учитель танцев.

Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да еще хоть немного хорошего вкуса – вот чего бы я желал.

Учитель музыки.

Я тоже, ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев.

А вот и он.

Явление второе

Г-н Журден в халате и ночном колпаке, учитель музыки, учитель танцев, ученик учителя музыки, певица, два певца, скрипачи, танцовщицы, два лакея.

Г-н Журден.

Ну, господа? Как там у вас? Покажете вы мне нынче вашу безделку?

Учитель танцев.

Что? Какую безделку?

Г-н Журден.

Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев.

О! О!

Учитель музыки.

Как видите, мы готовы.

Г-н Журден.

Я немного замешкался, но дело вот в чем: одеваюсь я теперь, как одевается знать, и мой портной прислал мне шелковые чулки, до того узкие, – право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки.

Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден.

Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев.

Как вам будет угодно.

Г-н Журден.

Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет, как должно.

Учитель музыки.

Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Г-н Журден.

Я сделал себе из индийской ткани халат.

Учитель танцев.

Отличный халат.

Г-н Журден.

Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки.

Он вам удивительно идет.

Г-н Журден.

Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей.

Что прикажете, сударь?

Г-н Журден.

Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев.

Великолепные ливреи.

Г-н Журден (*распахивает халат; под ним у него узкие красного бархата штаны и зеленого бархата камзол*) .

А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки.

Бездна вкуса!

Г-н Журден.

Лакей!

Первый лакей.

Что угодно, сударь?

Г-н Журден.

Другой лакей!

Второй лакей.

Что угодно, сударь?

Г-н Журден (*снимает халат*) .

Держите. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев.

Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден.

Теперь займемся с вами.

Учитель музыки.

Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он (*указывает на ученика*) написал для заказанной вами серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден.

Очень может быть, но все-таки не следовало поручать это ученику. Еще неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то, что ученик.

Учитель музыки.

Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не хуже великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Г-н Журден (*лакеям*) .

Дайте халат, так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица

Ирида, я томлюсь, меня страданье губит,

Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.

Когда вы мучите того, кто вас так любит,

Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлечь!

Г-н Журден.

По-моему, это довольно заунывная песня, от нее ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать ее чуть-чуть веселее.

Учитель музыки.

Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден.

Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же это она

начинается?

Учитель танцев.

Право, не знаю.

Г-н Журден.

Там еще про овечку говорится.

Учитель танцев.

Про овечку?

Г-н Журден.

Да, да. Ах, вот!

(Поет.)

Жанетту я считал

И доброй и прекрасной,

Жанетту я считал овечкою, но, ах!

Она коварна и опасна,

Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки.

Еще бы не славная!

Учитель танцев.

И вы хорошо ее поете.

Г-н Журден.

А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки.

Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев.

Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден.

А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки.

Конечно, сударь.

Г-н Журден.

Ну, так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь, кроме учителя фехтования, я еще нанял учителя философии, – он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки.

Философия – материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев.

Музыка и танцы... Музыка и танцы – это все, что нужно человеку. .

Учитель музыки.

Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев.

Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки.

Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев.

Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки.

Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев.

Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных деятелей, ошибки великих полководцев, – все это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден.

Как так?

Учитель музыки.

Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден.

Верно.

Учитель музыки.

А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден.

И то правда.

Учитель танцев.

Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден.

Да, так говорят.

Учитель танцев.

А чем еще может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден.

Да, с этим я тоже согласен. Вы оба правы.

Учитель танцев.

Все это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден.

Теперь я понимаю.

Учитель музыки.

Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден.

Угодно.

Учитель музыки.

Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден.

Прекрасно.

Учитель музыки (*певцам*) .

Пожалуйста сюда.

(*Г-ну Журдену.*) Вы должны вообразить, что они одеты пастушками.

Г-н Журден.

И что это всегда пастушки?! Вечно одно и то же.

Учитель танцев.

Когда говорят под музыку, то для большего правдоподобия приходится обращаться к пасторали. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден.

Ладно, ладно. Посмотрим.

Музыкальный диалог

Певица и два певца.

Певица.

Сердца в любовном упоенье

Всегда встречают тысячи помех.
Любовь приносит нам и счастье и томленье.
Недаром есть такое мненье,
Что нам милей всего – не знать любви утех.
Первый певец.
Нет, нам всего милей та радость без конца,
Которая сердца
Любовников сливает.
Блаженству на земле без страсти не бывать.
Любовью кто пренебрегает,
Тому и счастья не знавать.
Второй певец.
О, кто бы не хотел любви изведать власть
Когда бы не была обманчивою страсть!
Но, ах, как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет пастушки ни единой,
И недостойный пол, позоря белый свет,
Свидетельствует нам, что верности уж нет.
Первый певец
О, сердца дрожь!
Певица.
О, страсть во взорах!
Второй певец.
Сплошная ложь!
Первый певец.
Тот миг мне дорог!
Певица.
Они полны утех!
Второй певец.
Я презираю всех!
Первый певец.
О, не сердись, забудь свой гнев безмерный!
Певица.
Мы приведем тебя сейчас
К пастушке любящей и верной.
Второй певец.
Увы! Достойных нет среди вас!
Певица.
Я иду на испытанье, –
Вот тебе моя любовь.
Второй певец
Кто поручится заранее,
Что не быть обману вновь?
Певица.
Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный нежный пыл.
Второй певец.
Небо пусть того накажет,
Кто постыдно изменил.
Все трое вместе
Над нами пламенея,
Любви горит венец.

Слиянье двух сердец,—

Что может быть милее?

Г-н Журден.

И это все?

Учитель музыки.

Все.

Г-н Журден.

По-моему, ловко закручено. Кое-где попадаются очень занятные словечки.

Учитель танцев.

А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образчик самых изящных телодвижений и самых изящных поз, из каких только может состоять танец.

Г-н Журден.

Опять пастухи?

Учитель танцев.

Это уж как вам будет угодно.

(Танцовщикам.) Начинайте.

Балет.

Четыре танцовщика по указанию учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

Действие второе

Явление первое

Г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев.

Г-н Журден.

Очень даже здорово: танцоры откалывают лихо.

Учитель танцев.

А когда танец идет под музыку, то впечатление еще сильнее. Мы сочинили для вас балет; вы увидите, сколь это очаровательно.

Г-н Журден.

Он понадобится мне сегодня же: особа, в честь которой я все это устраиваю, должна пожаловать ко мне на обед.

Учитель танцев.

Все готово.

Учитель музыки.

Одного, сударь, недостает: такой особе, как вы, со всем вашим великолепием, с вашей склонностью к изящным искусствам, непременно нужно давать у себя концерты по средам или же по четвергам.

Г-н Журден.

А у знатных господ бывают концерты?

Учитель музыки.

Разумеется, сударь.

Г-н Журден.

Тогда и я начну давать. И хорошо это получится?

Учитель музыки.

Не сомневаюсь. Вам потребуется три голоса: сопрано, контральто и бас, а для аккомпанемента альт, лютня и, для басовых партий, клавесин, а для ритурнелей две скрипки.

Г-н Журден.

Хорошо бы еще морскую трубу. Я ее очень люблю, она приятна для слуха.

Учитель музыки.

Предоставьте все нам.

Г-н Журден.

Смотрите не забудьте прислать певцов, чтоб было кому петь во время обеда.

Учитель музыки.

У вас ни в чем недостатка не будет.

Г-н Журден.

Главное, чтоб хорош был балет.

Учитель музыки.

Останетесь довольны, особенно некоторыми менюэтами.

Г-н Журден.

А, менюэт—это мой любимый танец! Поглядите, как я его танцую. Ну-ка, господин учитель!

Учитель танцев.

Извольте, сударь, надеть шляпу.

Г-н Журден берет шляпу своего лакея и надевает ее поверх ночного колпака. Учитель танцев берет г-на Журдена за руку и, напевая менюэт, танцует вместе с ним.

Ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла. Пожалуйста, в такт. Ла-ла-ла, ла-ла. Колени не гнуть. Ла-ла-ла. Плечами не дергать. Ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла, ла-ла. Не растопыривать рук. Ла-ла-ла, ла-ла. Голову выше. Носки держать врозь. Ла-ла-ла. Корпус прямой.

Г-н Журден.

Ну как?

Учитель танцев.

Лучше нельзя.

Г-н Журден.

Кстати, научите меня кланяться маркизе, мне это скоро понадобится.

Учитель танцев.

Кланяться маркизе?

Г-н Журден.

Да. Ее зовут Дорименой.

Учитель танцев.

Позвольте вашу руку.

Г-н Журден.

Не нужно. Вы только покажите, а я запомню.

Учитель танцев.

Если вы желаете, чтоб это был поклон весьма почтительный, то прежде отступите назад и поклонитесь один раз, затем подойдите к ней с тремя поклонами и в конце концов склонитесь к ее ногам.

Г-н Журден.

А ну, покажите.

Учитель танцев показывает.

Понятно.

Явление второе

Г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев, лакей.

Лакей. Сударь, учитель фехтования пришел.

Г-н Журден.

Скажи, пусть войдет и начинает урок.

(Учителю музыки и учителю танцев.) А вы поглядите, как это у меня выходит.

Явление третье

Г-н Журден, учитель фехтования, учитель музыки, учитель танцев и лакей с двумя рапирами.

Учитель фехтования (*берет у лакея две рапиры и одну из них подает г-ну Журдену*).

Прошу вас, сударь: поклон. Корпус прямо. Легкий упор на левое бедро. Не надо так расставлять ноги. Обе ступни на одной линии. Кисть руки на уровне бедра. Конец рапиры прямо против плеча. Не надо так вытягивать руку. Кисть левой руки на высоте глаза. Левое плечо назад. Голову прямо. Взгляд уверенный. Выпад. Корпус неподвижен. Парируйте четвертой и отходите с тем же парадом. Раз, два. В позицию. Уверенно начинайте снова. Шаг назад. Когда делаете выпад, нужно, чтобы рапира выносилась вперед, а тело, сколько можно, было защищено от удара. Раз, два. Прошу вас: парируйте терсом и отходите с тем же парадом. Выпад. Корпус неподвижен. Выпад. Становитесь в позицию. Раз, два. Начинайте сызнова. Шаг назад. Защищайтесь, сударь, защищайтесь! (*С криком: «Защищайтесь!» несколько раз колет г-на Журдена.*)

Г-н Журден.

Ну как?

Учитель музыки.

Вы делаете чудеса.

Учитель фехтования.

Как я вам уже говорил: весь секрет фехтования заключается в том, чтобы, во-первых, наносить противнику удары, а во-вторых, чтобы самому таковых не получать, и вы никогда их не получите, если, как я это вам прошлый раз доказал путем наглядного примера, научитесь отводить шпагу противника от своего тела, а для этого нужно только легкое движение кисти руки – к себе или от себя.

Г-н Журден.

Стало быть, эдаким манером каждый человек, даже и не из храбрых, может наверняка убить другого, а сам останется цел?

Учитель фехтования.

Конечно. Разве я вам это не доказал наглядно?

Г-н Журден.

Доказали.

Учитель фехтования.

Отсюда ясно, какое высокое положение мы, учителя фехтования, должны занимать в государстве и насколько наука фехтования выше всех прочих бесполезных наук, как, например, танцы, музыка и...

Учитель танцев.

Но-но, господин фехтмейстер! Отзывайтесь о танцах почтительно.

Учитель музыки.

Будьте любезны, научитесь уважать достоинства музыки.

Учитель фехтования.

Да вы просто забавники! Как можно ставить ваши науки на одну доску с моей?

Учитель музыки.

Подумаешь, важная птица!

Учитель танцев.

Напялил нагрудник, чучело!

Учитель фехтования.

Берегитесь, плясунешка, вы у меня запляшете не как-нибудь, а вы, музыкантишка, запоете ангельским голоском.

Учитель танцев.

А я, господин драчунишка, научу вас, как нужно драться.

Г-н Журден (*учителю танцев*).

Да вы спятили! Затевать ссору с человеком, который все терсы и кварты знает как свои пять пальцев и может убить противника путем наглядного примера?

Учитель танцев.
Плевать я хотел на его наглядный пример и на все его терсы и кварталы.
Г-н Журден (*учителю танцев*) .
Полно, говорят вам!
Учитель фехтования (*учителю танцев*) .
Ах, вы вот как, нахальная пигалица!
Г-н Журден.
Успокойтесь, любезный фехтмейстер!
Учитель танцев (*учителю фехтования*) .
Ах, вот вы как, лошадь ломовая!
Г-н Журден.
Успокойтесь, любезный танцмейстер!
Учитель фехтования.
Мне только до вас добраться...
Г-н Журден (*учителю фехтования*) .
Потише!
Учитель танцев.
Мне только до вас дотянуться...
Г-н Журден (*учителю танцев*) .
Будет вам!
Учитель фехтования.
Я уж вас отколошмачу!
Г-н Журден (*учителю фехтования*) .
Ради бога!
Учитель танцев.
Я вас так вздую...
Г-н Журден (*учителю танцев*) .
Умоляю!
Учитель музыки.
Нет уж, позвольте, мы его выучим хорошему тону.
Г-н Журден (*учителю музыки*) .
Боже мой! Да перестаньте!

Явление четвертое

Учитель философии, г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев, учитель фехтования, лакей.

Г-н Журден.

А, господин философ! Вы как раз вовремя подросли с вашей философией. Помирите как-нибудь этих господ.

Учитель философии.

В чем дело? Что случилось, господа?

Г-н Журден.

Повздорили из-за того, чье ремесло лучше, переругались и чуть было не подрались.

Учитель философии.

Полноте, господа! Как можно доводить себя до такой крайности? Разве вы не читали ученого трактата Сенеки о гневе? Что может быть более низкого и более постыдного, чем эта страсть, которая превращает человека в дикого зверя? Все движения нашего сердца должны быть подчинены разуму, не так ли?

Учитель танцев.

Помилуйте, сударь! Я преподаю танцы, мой товарищ занимается музыкой, а он с презрением отозвался о наших занятиях и оскорбил нас обоих!

Учитель философии.

Мудрец стоит выше любых оскорблений. Лучший ответ на издевательства – это сдержанность и терпение.

Учитель фехтования.

Они имеют наглость сравнивать свое ремесло с моим!

Учитель философии.

Это ли повод для волнения? Из-за суетной славы и из-за положения в обществе люди не должны вступать между собою в соперничество: чем мы резко отличаемся друг от друга, так это мудростью и добродетелью.

Учитель танцев.

Я утверждаю, что танцы – это наука, заслуживающая всяческого преклонения.

Учитель музыки.

А я стою на том, что музыку чтити во все века.

Учитель фехтования.

А я им доказываю, что наука владеть оружием – это самая прекрасная и самая полезная из всех наук.

Учитель философии.

Позвольте, а что же тогда философия? Вы все трое – изрядные нахалы, как я погляжу: смеете говорить в моем присутствии такие дерзости и без зазрения совести называете науками занятия, которые не достойны чести именоваться даже искусствами и которые могут быть приравнены лишь к жалким ремеслам уличных бортов, певцов и плясунов!

Учитель фехтования.

Молчать, собачий философ!

Учитель музыки.

Молчать, педант тупоголовый!

Учитель танцев.

Молчать, ученый сухарь!

Учитель философии.

Ах вы, твари эдакие...

(Бросается на них, они осыпают его ударами.)

Г-н Журден.

Господин философ!

Учитель философии.

Мерзавцы, подлецы, нахалы!

Г-н Журден.

Господин философ!

Учитель фехтования.

Гадина! Скотина!

Г-н Журден.

Господа!

Учитель философии.

Наглецы!

Г-н Журден.

Господин философ!

Учитель танцев.

Ослиная голова!

Г-н Журден.

Господа!

Учитель философии.

Негодяи!

Г-н Журден.

Господин философ!

Учитель музыки.
Убирайся к черту, нахал!
Г-н Журден.
Господа!
Учитель философии.
Жулики, прошелыги, продувные бестии, проходимцы!
Г-н Журден.
Господин философ! Господа! Господин философ! Господа! Господин философ!
Все учителя уходят, продолжая драться.

Явление пятое

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден.

Э, да ладно, деритесь, сколько хотите! Мое дело – сторона, я разнимать вас не стану, а то еще халат с вами разорвешь. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними связываться, неровен час, так огреют, что своих не узнаешь.

Явление шестое

Учитель философии, г-н Журден, лакей.

Учитель философии (*оправляя воротник*) .

Приступим к уроку.

Г-н Журден.

Ах, господин учитель, как мне досадно, что они вас побили!

Учитель философии.

Пустяки. Философ должен ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе Ювенала, и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

Г-н Журден.

Чему только смогу: ведь я смерть как хочу стать ученым, и такое зло меня берет на отца и мать, что меня с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии.

Это понятное чувство, *nam sine doctrina vita est quasi mortis imago*. Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден.

Да, но вы все-таки говорите так, как будто я ее не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии.

Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден.

Латынь говорит дело.

Учитель философии.

У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден.

А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии.

С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден.

А что это за штука – логика?

Учитель философии.

Это наука, которая учит нас трем процессам мышления.

Г-н Журден.

Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии.

Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий, второй – в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий – в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Baralipon и так далее.

Г-н Журден.

Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

Учитель философии.

Хотите займемся этикой?

Г-н Журден.

Этикой?

Учитель философии.

Да.

Г-н Журден.

А про что она, эта самая этика?

Учитель философии.

Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

Г-н Журден.

Нет, не надо. Я вспыльчив, как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: я желаю беситься, сколько влезет, когда меня разбирает злость.

Учитель философии.

Может быть, вас прельщает физика?

Г-н Журден.

А физика – это насчет чего?

Учитель философии.

Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как-то: радуги, блуждающих огней, комет, зарниц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден.

Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

Учитель философии.

Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден.

Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии.

С удовольствием.

Г-н Журден.

Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии.

Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден.

Это мне все понятно.

Учитель философии.

Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден.

А, А. Так!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден.

А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук И, нужно еще больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден.

А, Е, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден.

О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии.

Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден.

О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден.

У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии.

Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо соорудить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден.

У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы все это уже знал.

Учитель философии.

Завтра мы разберем другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден.

А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии.

Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка уперся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден.

ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии.

Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден.

ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с матушкой, ну, как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии.

А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему небу, однако ж под напором воздуха, с силою вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден.

Р-Р-РА, Р-Р-Р-РА. Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р-Р-РА.

Учитель философии.

Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкостей.

Г-н Журден.

Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к ее ногам.

Учитель философии.

Отлично.

Г-н Журден.

Ведь, правда, это будет учтиво?

Учитель философии.

Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден.

Нет, нет, только не стихи.

Учитель философии.

Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден.

Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии.

Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден.

Почему?

Учитель философии.

По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе, как прозой или стихами.

Г-н Журден.

Не иначе, как прозой или стихами?

Учитель философии.

Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден.

А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии.

Проза.

Г-н Журден.

Что? Когда я говорю: «Николь, принеси мне туфли и ночной колпак», это проза?

Учитель философии.

Да, сударь.

Г-н Журден.

Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полюбезнее, как-нибудь этак покрасивее выразиться?

Учитель философии.

Напишите, что пламя ее очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за нее столь тяжкие...

Г-н Журден.

Нет, нет, нет, это все не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии.

Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден.

Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста,

несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии.

Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден.

Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии.

Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден.

А ведь я ничему не учился и вот все ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии.

Не премину.

Явление седьмое

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден (*лакею*) .

Неужели мне еще не принесли костюма?

Лакей.

Никак нет, сударь.

Г-н Журден.

Окаянный портной заставляет меня дожидаться, когда у меня и без того дела по горло. Как я зол! Чтоб его лихорадка замучила, этого разбойника портного! Чтоб его черт подрал, этого портного! Чума его возьми, этого портного! Попадись он мне сейчас, пакостный портной, собака портной, злодей портной, я б его...

Явление восьмое

Г-н Журден, портной, подмастерье с костюмом для г-на Журдена, лакей.

Г-н Журден

А, наконец-то! Я уж начал было на тебя сердиться.

Портной.

Раньше поспеть не мог, и так уж двадцать подмастерьев засадил за ваш костюм.

Г-н Журден.

Ты мне прислал такие узкие чулки, что я насилу их натянул. И уже две петли спустились.

Портной.

Они еще как растянутся!

Г-н Журден.

Да, только не раньше, чем лопнут все петли. К тому же еще башмаки, которые ты для меня заказывал, жмут невыносимо.

Портной.

Нисколько, сударь.

Г-н Журден.

То есть как нисколько?

Портной.

Нет, нет, они вам не тесны.

Г-н Журден.

А я говорю: тесны.

Портной.

Это вам так кажется.

Г-н Журден.

Оттого и кажется, что мне больно. Иначе бы не казалось!

Портной.

Вот, извольте взглянуть: не у каждого придворного бывает такой красивый костюм, и сделан он с отменным вкусом. Тут с моей стороны требовалось особое искусство, чтобы получился строгий костюм, хотя и не черного цвета. Самому лучшему портному не сшить такого костюма – это уж я вам ручаюсь.

Г-н Журден.

А это еще что такое? Ты пустил цветочки головками вниз?

Портной.

Вы мне не говорили, что хотите вверх.

Г-н Журден.

Разве об этом надо говорить особо?

Портной.

Неприменно. Все господа так носят.

Г-н Журден.

Господа носят головками вниз?

Портной.

Да, сударь.

Г-н Журден.

Гм! А ведь, и, правда, красиво.

Портной.

Если угодно, я могу и вверх пустить.

Г-н Журден.

Нет, нет.

Портной.

Вы только скажите.

Г-н Журден.

Говорят тебе, не надо. У тебя хорошо получилось. А сидеть-то он на мне будет ладно, как по-твоему?

Портной.

Что за вопрос! Живописец кистью так не выведет, как я подогнал к вашей фигуре. У меня есть один подмастерье: по части штанов – это просто гений, а другой по части камзола – краса и гордость нашего времени.

Г-н Журден.

Парик и перья–как, ничего?

Портной.

Все в надлежащем порядке.

Г-н Журден (*приглядываясь к портному*) .

Э-ге-ге, господин портной, а ведь материя-то на вас от моего камзола, того самого, что вы мнешили прошлый раз! Я ее сразу узнал.

Портной.

Мне, извольте ли видеть, так понравилась материя, что я и себе выкроил на кафтан.

Г-н Журден.

Ну и выкраивал бы, только не из моего куска.

Портной.

Не угодно ли примерить?

Г-н Журден.

Давай.

Портной.

Погодите. Это так не делается. Я привел людей, чтоб они вас облачили под музыку: такие костюмы надеваются с особыми церемониями. Эй, войдите!

Явление девятое

Г-н Журден, портной, подмастерье, подмастерья танцующие, лакей.

Портной (*подмастерьям*) .

Наденьте этот костюм на господина Журдена так, как вы всегда одеваете знатных господ.

ПЕРВЫЙ балетный выход.

Четверо танцующих подмастерьев приближаются к г-ну Журдену. Двое снимают с него штаны, двое других – камзол, а затем, все время двигаясь в такт, они надевают на него новый костюм. Г-н Журден прохаживается между ними, а они смотрят, хорошо ли сидит костюм.

Подмастерье.

Ваша милость, пожалуйста сколько-нибудь подмастерьям, чтоб они выпили за ваше здоровье.

Г-н Журден.

Как ты меня назвал?

Подмастерье.

Ваша милость.

Г-н Журден.

«Ваша милость»! Вот что значит одеться по-господски! А будете ходить в мещанском платье – никто вам не скажет: «Ваша милость». (*Дает деньги.*) На, вот тебе за «вашу милость».

Подмастерье.

Премного довольны, ваше сиятельство.

Г-н Журден.

«Сиятельство»? Ого! «Сиятельство»! Погоди, дружок. «Сиятельство» чего-нибудь да стоит, это не простое слово – «сиятельство»! На, вот тебе от его сиятельства!

Подмастерье.

Ваше сиятельство, мы все как один выпьем за здоровье вашей светлости.

Г-н Журден.

«Вашей светлости»? О-го-го! Погоди, не уходи. Это мне-то – «ваша, светлость»! (*В сторону.*) Если дело дойдет до «высочества», честное слово, ему достанется весь кошелек. (*Подмастерью.*)

На, вот тебе за «вашу светлость».

Подмастерье.

Покорнейше благодарим, ваше сиятельство, за ваши милости.

Г-н Журден (*в сторону*) .

Вовремя остановился, а то бы я все ему отдал.

Явление десятое

ВТОРОЙ балетный выход

Четверо подмастерьев танцуют, радуясь щедрости г-на Журдена.

Действие третье

Явление первое

Г-н Журден, два лакея.

Г-н Журден.

Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не отставайте ни на шаг, чтоб все видели, что вы мои лакеи.

Лакей.

Слушаем, сударь.

Г-н Журден.

Позовите сюда Николь – мне нужно отдать ей кое-какие распоряжения. Стойте, она сама идет.

Явление второе

Г-н Журден, Николь, два лакея.

Г-н Журден.

Николь!

Николь.

Что угодно?

Г-н Журден.

Послушай...

Николь (*хохочет*) .

Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Чего ты смеешься?

Николь.

Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Что с тобой, бесстыдница?

Николь.

Хи-хи-хи! На кого вы похожи! Хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Что такое?

Николь.

Ах, боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Экая нахалка! Ты это надо мной смеешься?

Николь.

Ни-ни, сударь, даже не думала. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Посмейся-ка еще, – уж и влетит тебе от меня!

Николь.

Ничего не могу с собой поделать, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Перестанешь ты или нет?

Николь.

Извините, сударь, но вы такой уморительный, что я не могу удержаться от смеха.
Хи-хи-хи!

Г-н Журден.

Нет, вы подумайте, какая наглость!

Николь.

До чего ж вы сейчас смешной! Хи-хи!

Г-н Журден.
Я тебя...
Николь.
Извините, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!
Г-н Журден.
Послушай, если ты сию секунду не перестанешь, клянусь, я закачу тебе такую оплеуху, какой еще никто на свете не получал.
Николь.
Коли так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.
Г-н Журден.
Ну, смотри! Сейчас ты мне уберешь...
Николь.
Хи-хи!
Г-н Журден.
Уберешь как следует...
Николь.
Хи-хи!
Г-н Журден.
Уберешь, говорю, как следует залу и...
Николь.
Хи-хи!
Г-н Журден.
Ты опять?
Николь *(валится от хохота)* .
Нет уж, сударь, лучше побейте меня, но только дайте посмеяться вдоволь, – так мне будет легче. Хи-хи-хи-хи-хи!
Г-н Журден.
Ты меня доведешь!
Николь.
Смилуйтесь, сударь, дайте мне посмеяться. Хи-хи-хи!
Г-н Журден.
Вот я тебя сейчас...
Николь.
Су... ударь... я лоп... лопну, если не похохочу. Хи-хи-хи!
Г-н Журден.
Видали вы такую подлянку? Вместо того чтобы выслушать мои приказания, нагло смеется мне в лицо!
Николь.
Что же вам угодно, сударь?
Г-н Журден.
Мне угодно, чтобы ты, мошенница, потрудилась навести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.
Николь *(встает)* .
Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости наделают всегда такого беспорядку, что при одной мысли о них на меня нападает тоска.
Г-н Журден.
Что ж, мне из-за тебя держать дверь на запоре от всех моих знакомых?
Николь.
По крайней мере от некоторых.

Явление третье

Г-жа Журден, г-н Журден, Николь, два лакея.

Г-жа Журден.

Ах, ах! Это еще что за новости? Что это на тебе, муженек, за наряд? Верно, вздумал посмешить людей, коли вырядился таким шутком? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден.

Разве одни дураки да дуры станут на меня показывать пальцем.

Г-жа Журден.

Да уж и показывают: твои повадки давно всех смешат.

Г-н Журден.

Кого это «всех», позволь тебя спросить?

Г-жа Журден.

Всех благоразумных людей, всех, которые поумнее тебя. А мне так совестно глядеть, какую ты моду завел. Собственного дома не узнать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра то и знай пиликают на скрипках, песни орут, – соседям и тем покою нет.

Николь.

И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, коли вы, сударь, будете водить к себе такую пропасть народу. Грязи наносят прямо со всего города. Бедная Франсуаза вконец измучилась: любезные ваши учителя наследят, а она каждый божий день мой после них полы.

Г-н Журден.

Ого! Вот так служанка Николь! Простая мужичка, а ведь до чего же языкастая!

Г-жа Журден.

Николь права: ума-то у нее побольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, в твои годы, понадобился учитель танцев?

Николь.

И еще этот верзила фехтовальщик – он так топочет, что весь дом трясется, а в зале того и гляди весь паркет повыворотит.

Г-н Журден.

Молчать, и ты, служанка, и ты, жена!

Г-жа Журден.

Стало быть, ты задумал учиться танцевать? Нашел когда: у самого скоро ноги отнимутся.

Николь.

Может статься, вам припала охота кого-нибудь убить?

Г-н Журден.

Молчать, говорят вам. Обе вы невежды. Вам невдомек, какие это мне дает пре-ро-га-тивы.

Г-н Журден.

Лучше бы подумал, как дочку пристроить: ведь она уж на выданье.

Г-н Журден.

Подумаю я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разным хорошим вещам научиться.

Николь.

Я еще слыхала, сударыня, что нынче в довершение всего хозяин нанял учителя философии.

Г-н Журден.

Совершенно верно. Хочу понабраться ума-разума, чтоб мог я о чем угодно беседовать с порядочными людьми.

Г-жа Журден.

Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там розгами драли на

старости лет?

Г-н Журден.

А что ж такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать все то, чему учат в школе!

Николь.

Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден.

Без сомнения.

Г-жа Журден.

В хозяйстве тебе все это вот как пригодится!

Г-н Журден.

Непременно пригодится. Обе вы несете дичь, мне стыдно, что вы такие необразованные.

(Г-же Журден.) Вот, например, знаешь ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден.

Конечно. Я знаю, что говорю дело и что тебе надо начать жить по-другому.

Г-н Журден.

Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказала.

Г-жа Журден.

Слова-то мои разумные, а вот поведение твое очень даже неразумное.

Г-н Журден.

Говорят тебе, я не о том толкую. Я вот о чем спрашиваю: то, что я тебе говорю, вот то, что я тебе сказал сейчас, что это такое?

Г-жа Журден.

Глупости.

Г-н Журден.

Да нет, ты меня не понимаешь. То, что мы оба говорим, вся наша с тобой речь?

Г-жа Журден.

Ну?

Г-н Журден.

Как это называется?

Г-жа Журден.

Все равно, как ни назвать.

Г-н Журден.

Невежда, это проза!

Г-жа Журден.

Проза?

Г-н Журден.

Да, проза. Все, что проза, то не стихи, а все, что не стихи, то проза. Видала? Вот что значит ученость! *(К Николь.)* Ну, а ты? Тебе известно, как произносится У?

Николь.

Как произносится?

Г-н Журден.

Да. Что ты делаешь, когда говоришь У?

Николь.

Чего?

Г-н Журден.

Попробуй сказать У.

Николь.

Ну, У.

Г-н Журден.

Что же ты делаешь?

Николь.

Говорю: У.

Г-н Журден.

Да, но когда ты говоришь У, что ты в это время делаешь?

Николь.

То и делаю, что вы велели.

Г-н Журден.

Вот поговори-ка с дурами! Ты вытягиваешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к нижней: У. Видишь? Я корчу рожу: У.

Николь.

Да, нечего сказать, ловко.

Г-жа Журден.

И впрямь чудеса!

Г-н Журден.

Вы бы еще не то сказали, ежели б увидали О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден.

Что это за галиматья?

Николь.

На что это все нужно?

Г-н Журден.

Эти дуры хоть кого выведут из себя.

Г-жа Журден.

Вот что, гони-ка ты своих учителей в шею и со всей их тарабарщиной.

Николь.

А главное, эту громадину – учителя фехтования: от него только пыль столбом.

Г-н Журден.

Скажи на милость! Дался вам учитель фехтования. Вот я тебе сейчас докажу, что ты ничего в этом не смыслишь. *(Велит подать себе рапиры и одну из них протягивает Николь.)* Вот, смотри: наглядный пример, линия тела. Когда тебя колют четвертой, то надо делать так, а когда терсом, то вот так. Тогда тебя никто уж не убьет, а во время драки это самое важное – знать, что ты в безопасности. А ну попробуй кольни меня разок!

Николь.

Что ж, и кольну!

(Несколько раз колет г-на Журдена.)

Г-н Журден.

Да тише ты! Эй, эй! Осторожней! Черт бы тебя побрал, скверная девчонка!

Николь.

Вы же сами велели вас колоть.

Г-н Журден.

Да, но ты сперва колешь терсом, вместо того чтобы четвертой, и у тебя не хватает терпения подождать, пока я отпарирую.

Г-жа Журден.

Ты помешался на всех этих причудах, муженек. И началось это у тебя с тех пор, как ты вздумал водиться с важными господами.

Г-н Журден.

В том, что я вожусь с важными господами, виден мой здравый смысл: это не в пример лучше, чем водиться с твоими мещанами.

Г-жа Журден.

Да уж, нечего сказать: прок от того, что ты подружился с дворянами, ох как велик! Взять хоть этого распрекрасного графа, от которого ты без ума: до чего же выгодное знакомство!

Г-н Журден.

Молчать! Думай сначала, а потом давай волю языку. Знаешь ли ты, жена, что ты не знаешь, о ком говоришь, когда говоришь о нем? Ты себе не представляешь, какое это значительное лицо: он настоящий вельможа, вхож во дворец, с самим королем разговаривает, вот как я с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая высокопоставленная особа постоянно бывает в моем доме, называет меня любезным другом и держится со мной на равной ноге? Никому и в голову не придет, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того бывает со мною ласков, что мне, право, становится неловко.

Г-жа Журден.

Да, он оказывает тебе услуги, он с тобою ласков, но и денежки у тебя занимает.

Г-н Журден.

Ну и что ж? Разве это для меня не честь – дать займы такому знатному господину? Могу ли я вельможе, который называет меня любезным другом, отказать в таком пустяке?

Г-жа Журден.

А какие такие одолжения делает этот вельможа тебе?

Г-н Журден.

Такие, что, кому сказать, никто не поверит.

Г-жа Журден.

Например?

Г-н Журден.

Ну уж этого я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит сполна, и очень даже скоро.

Г-жа Журден.

Как же, дожидайся!

Г-н Журден.

Наверняка. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден.

Держи карман шире.

Г-н Журден.

Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден.

Враки!

Г-н Журден.

Ух! Ну, и упрямая ты, жена! А я тебе говорю, что он свое слово сдержит, я в этом уверен.

Г-жа Журден.

А я уверена, что не сдержит и что все его любезности – один обман, и ничего более.

Г-н Журден.

Замолчи! Вот как раз и он.

Г-жа Журден.

Этого только недоставало! Верно, опять пришел просить у тебя в долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден.

Молчать, тебе говорят!

Явление четвертое

Дорант, г-н Журден, г-жа Журден, Николь.

Дорант.

Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Г-н Журден.

Отлично, ваше сиятельство. Милости прошу.

Дорант.

А госпожа Журден как поживает?

Г-жа Журден.

Госпожа Журден живет помаленьку.

Дорант.

Однако, господин Журден, каким вы сегодня франтом!

Г-н Журден.

Вот поглядите.

Дорант.

Вид у вас в этом костюме безукоризненный. У нас при дворе нет ни одного молодого человека, который был бы так же хорошо сложен, как вы.

Г-н Журден.

Хе-хе!

Г-жа Журден (*в сторону*) .

Знает, как в душу влезть.

Дорант.

Повернитесь. Верх изящества.

Г-жа Журден (*в сторону*) .

Да, сзади такой же дурак, как и спереди.

Дорант.

Даю вам слово, господин Журден, у меня было необычайно сильное желание с вами повидаться. Я питаю к вам совершенно особое уважение: не далее, как сегодня утром, я говорил о вас в королевской опочивальне.

Г-н Журден.

Много чести для меня, ваше сиятельство

(*Г-же Журден.*) В королевской опочивальне!

Дорант.

Наденьте же шляпу.

Г-н Журден.

Я вас слишком уважаю, ваше сиятельство.

Дорант.

Боже мой, да наденьте же! Пожалуйста, без церемоний.

Г-н Журден.

Ваше сиятельство...

Дорант.

Говорят вам, наденьте, господин Журден: ведь вы мой друг.

Г-н Журден.

Ваше сиятельство, я ваш покорный слуга.

Дорант.

Если вы не наденете шляпу, тогда и я не надену.

Г-н Журден (*надевая шляпу*) .

Лучше показаться неучтивым, чем несговорчивым.

Дорант.

Как вам известно, я ваш должник.

Г-жа Журден (*в сторону*) .

Да, нам это слишком хорошо известно.

Дорант.

Вы были так великодушны, что несколько раз давали мне в долг и, надо заметить, выказывали при этом величайшую деликатность.

Г-н Журден.

Шутить изволите, ваше сиятельство.

Дорант.

Однако ж я почитаю непременно своею обязанностью платить долги и умею ценить

оказываемые мне любезности.

Г-н Журден.

Я в этом не сомневаюсь.

Дорант.

Я намерен с вами расквитаться. Давайте вместе подсчитаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Ну, что, жена? Видишь, какую ты на него взвела напраслину?

Дорант.

Я люблю расплачиваться как можно скорее.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

А что я тебе говорил?

Дорант.

Итак, посмотрим, сколько же я вам должен.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Вот они, твои нелепые подозрения.

Дорант.

Вы хорошо помните, сколько вы мне ссудили?

Г-н Журден.

По-моему, да. Я записал для памяти. Вот она, эта самая запись. В первый раз выдано вам двести луидоров.

Дорант.

Верно.

Г-н Журден.

Еще выдано вам сто двадцать.

Дорант.

Так.

Г-н Журден.

Еще выдано вам сто сорок.

Дорант.

Вы правы.

Г-н Журден.

Все вместе составляет четыреста шестьдесят луидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант.

Подсчет вполне верен. Пять тысяч шестьдесят ливров.

Г-н Журден.

Тысячу восемьсот тридцать два ливра – вашему поставщику перьев для шляп.

Дорант.

Совершенно точно.

Г-н Журден.

Две тысячи семьсот восемьдесят ливров – вашему портному.

Дорант.

Правильно.

Г-н Журден.

Четыре тысячи триста семьдесят девять ливров двенадцать су восемь денье – вашему лавочнику.

Дорант.

Отлично. Двенадцать су восемь денье – подсчет верен.

Г-н Журден.

И еще тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыре денье – вашему седельнику.

Дорант.

Все это соответствует истине. Сколько же всего?

Г-н Журден.

Итого пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант.

Итог верен. Пятнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне еще двести пистолей и прибавьте их к общей сумме: получится ровно восемнадцать тысяч франков, каковые я вам возвращу в самое ближайшее время.

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Ну что, права я была?

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Отстань.

Дорант.

Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден.

Помилуйте!

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Ты для него дойная корова.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Молчи.

Дорант.

Если вам это неудобно, я обращусь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден.

Нет, нет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Он не успокоится, пока тебя не разорит.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Говорят тебе, молчи.

Дорант.

Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден.

Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Это настоящий проходимец.

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

Да замолчи ты!

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Он высосет из тебя все до последнего су.

Г-н Журден.

Ты замолчишь?

Дорант.

Многие с радостью дали бы мне займы, но вы мой лучший друг, и я боялся, что обижу вас, если попрошу у кого-нибудь еще.

Г-н Журден.

Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас схожу за деньгами.

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

Что? Ты ему еще хочешь дать?

Г-н Журден (*тихо г-же Журден*) .

А как же быть? Разве я могу отказать такой важной особе, которая еще нынче утром говорила обо мне в королевской опочивальне?

Г-жа Журден (*тихо г-ну Журдену*) .

А, да ну тебя, дурак набитый!

Явление пятое

Дорант, г-жа Журден, Николь.

Дорант.

Вы как будто не в духе. Что с вами, госпожа Журден?

Г-жа Журден.

Голова у меня кругом идет.

Дорант.

А где же ваша уважаемая дочка? Что-то ее не видно.

Г-жа Журден.

Моя уважаемая дочка находится именно там, где она сейчас находится.

Дорант.

Как она себя чувствует?

Г-жа Журден.

Обыкновенно, вот как она себя чувствует.

Дорант.

Не угодно ли вам как-нибудь на днях посмотреть вместе с дочкой придворный балет и комедию?

Г-жа Журден.

Вот-вот, нам теперь как раз до смеха, как раз до смеха нам теперь!

Дорант.

Уж верно, госпожа Журден, в молодости вы славились красотой, приятностью в обхождении и у вас была тьма поклонников.

Г-жа Журден.

Хорош, сударь, нечего сказать! А что ж теперь, по-вашему: госпожа Журден – совсем развалина и голова у нее трясется?

Дорант.

Ах, боже мой, госпожа Журден, простите! Я совсем забыл, что вы еще молоды: это моя всегдашняя рассеянность виновата. Прошу извинить невольную мою дерзость.

Явление шестое

Г-н Журден, г-жа Журден, Дорант, Николь.

Г-н Журден (*Доранту*) .

Вот вам ровно двести луидоров.

Дорант.

Поверьте, господин Журден, что я искренно вам предан и мечтаю быть вам чем-нибудь полезным при дворе.

Г-н Журден.

Я вам очень обязан.

Дорант.

Если госпожа Журден желает посмотреть придворный спектакль, я велю оставить для нее лучшие места в зале.

Г-жа Журден.

Госпожа Журден покорно вас благодарит.

Дорант (*тихо г-ну Журдену*) .

Прелестная наша маркиза, как я уже известил вас запиской, сейчас пожалует к вам отобедать и посмотреть балет. В конце концов мне все же удалось уговорить ее побывать на представлении, которое вы для нее устраиваете.

Г-н Журден.

Отойдемте на всякий случай подальше.

Дорант.

Мы с вами не виделись целую неделю, и до сих пор я ничего вам не мог сказать о брильянте, который я должен был передать от вас маркизе, но все дело в том, что побороть ее щепетильность мне стоило величайшего труда: она согласилась его принять только сегодня.

Г-н Журден.

Как он ей понравился?

Дорант.

Она от него в восхищении. Я почти уверен, что красота этого брильянта необычайно поднимет вас в ее глазах.

Г-н Журден.

Дай-то бог!

Г-жа Журден (*к Николь*) .

Стоит им сойтись вместе, мой муженек так к нему и прилипнет.

Дорант.

Я приложил все старания, чтобы она составила себе верное понятие как о ценности вашего подарка, так и о силе вашей любви.

Г-н Журден.

Не знаю, как вас и благодарить. До чего мне неловко, что такая важная особа, как вы, утруждает себя ради меня!

Дорант.

Что вы! Разве можно друзьям быть такими щепетильными? И разве вы в подобном случае не сделали бы для меня того же самого?

Г-н Журден.

Ну, конечно! С великой охотой.

Г-жа Журден (*к Николь*) .

Когда он здесь, мне просто невмоготу.

Дорант.

Я по крайней мере, когда нужно услужить другу, на все готов решиться. Как скоро вы мне признались, что пылаете страстью к очаровательной маркизе, моей хорошей знакомой, я сам вызвался быть посредником в ваших сердечных делах.

Г-н Журден.

Сушая правда. Благодеяния ваши приводят меня в смущение.

Г-жа Журден (*к Николь*) .

Когда же он, наконец, уйдет?

Николь.

Их водой не разольешь.

Дорант.

Вам удалось найти кратчайший путь к ее сердцу. Женщины больше всего любят, когда на них тратятся, и ваши беспрестанные серенады, ваши бесчисленные букеты, изумительный фейерверк, который вы устроили для нее на реке, брильянт, который вы ей подарили, представление, которое вы для нее готовите,— все это красноречивее говорит о вашей любви, чем все те слова, какие вы могли бы сказать ей лично.

Г-н Журден.

Я не остановлюсь ни перед какими затратами, если только они проложат мне дорогу к ее сердцу. Светская дама имеет для меня ни с чем не сравнимую прелесть,— подобную честь я готов купить любой ценой.

Г-жа Журден (*тихо к Николь*) .

О чем это они столько времени шепчутся? Подойди-ка тихонько да послушай.

Дорант.

Скоро вы ею вволю налюбуетесь, ваш взор насладится ею вполне.

Г-н Журден.

Чтобы нам не помешали, я устроил так, что моя жена отправится обедать к сестре и

пробудет у нее до самого вечера.

Дорант.

Вы поступили благоразумно, а то ваша супруга могла бы нас стеснить. Я от вашего имени отдал распоряжения повару, а также велел все приготовить для балета. Я сам его сочинил, и если только исполнение будет соответствовать замыслу, то я уверен, что от него...

Г-н Журден (*заметив, что Николь подслушивает, дает ей пощечину*).

Это еще что? Ну и нахалка!

(*Доранту.*) Придется нам уйти.

Явление седьмое

Г-жа Журден, Николь.

Николь.

Однако, сударыня, любопытство мне кое-чего стоило. А все-таки тут дело нечисто: они что-то держат от вас в секрете.

Г-жа Журден.

Мой муженек давно у меня на подозрении, Николь. Голову даю на отсечение, что он за кем-то приударяет, вот я и стараюсь проведать – за кем. Однако ж подумаем о моей дочери. Ты знаешь, что Клеонт влюблен в нее без памяти, мне он тоже пришелся по душе, и я хочу ему посодействовать и, если только удастся, выдать за него Люсиль.

Николь.

По правде вам скажу, сударыня, я просто в восторге, что вы так решили: ведь если вам по душе хозяин, то мне по душе слуга, и уж как бы я хотела, чтобы вслед за их свадьбой сыграли и нашу!

Г-жа Журден.

Ступай к Клеонту и скажи, что я его зову: мы вместе пойдем к мужу просить руки моей дочери.

Николь.

С удовольствием, сударыня. Бегу! Такого приятного поручения я еще никогда не исполняла.

Г-жа Журден уходит.

То-то, наверно, обрадуются!

Явление восьмое

Клеонт, Ковьель, Николь.

Николь (*Клеонту*).

Ах, как вы вовремя! Я вестница вашего счастья и хочу вам...

Клеонт.

Прочь, коварная, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николь.

Так-то вы меня встречаете?

Клеонт.

Прочь, говорят тебе, сей же час ступай к неверной своей госпоже и объяви, что ей больше не удастся обмануть простодушного Клеонта.

Николь.

Это еще что за вздор? Миленький мой Ковьель, скажи хоть ты, что все это значит?

Ковьель.

«Миленький мой Ковьель», негодная девчонка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты этакая, оставь меня в покое!

Николь.

Как? И ты туда же?..

Ковьель.

Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей больше со мной заговаривать.

Николь (*в сторону*).

Вот тебе раз! Какая муха укусила их обоих? Пойду расскажу барышне об этом милом происшествии.

Явление девятое

Клеонт, Ковьель.

Клеонт.

Как! Поступать таким образом со своим поклонником, да еще с самым верным и самым страстным из поклонников!

Ковьель.

Ужас, как с нами обоими здесь обошлись!

Клеонт.

Я расточаю ей весь пыл и всю нежность, на какие я только способен. Ее одну люблю я в целом свете и помышляю лишь о ней. Она одна предмет всех дум моих и всех желаний, она моя единственная радость. Я говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь ее, сердце мое бьется только ради нее, я дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не виделись мы с нею: они тянулись для меня, как два мучительных столетия, вот, наконец, негаданная встреча, душа моя возликовала, румянцем счастья залилось лицо, в восторженном порыве я устремляюсь к ней – и что же? Неверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужие!

Ковьель.

Я то же самое готов сказать.

Клеонт.

Так что же сравнится, Ковьель, с коварством бессердечной Люсиль?

Ковьель.

А что сравнится, сударь, с коварством подлой Николь?

Клеонт.

И это после такого пламенного самопожертвования, после стольких вздохов и клятв, которые исторгла у меня ее прелесть!

Ковьель.

После такого упорного ухаживания, после стольких знаков внимания и услуг, которые я оказал ей на кухне!

Клеонт.

Стольких слез, которые я пролил у ее ног!

Ковьель.

Стольких ведер воды, которые я перетаскал за нее из колодца!

Клеонт.

Как пылко я ее любил, – любил до полного самозабвения!

Ковьель.

Как жарко было мне, когда я за нее возился с вертелом, – жарко до полного изнеможения!

Клеонт.

А теперь она проходит мимо, явно пренебрегая мной!

Ковьель.

А теперь она пренагло поворачивается ко мне спиной!

Клеонт.

Это коварство заслуживает того, чтобы на нее обрушились кары.

Ковьель.

Это вероломство заслуживает того, чтобы на нее посыпались оплеухи.

Клеонт.

Смотри ты у меня, не вздумай за нее заступаться!

Ковьель.

Я, сударь? Заступаться? Избави бог!

Клеонт.

Не смей оправдывать поступок этой изменницы.

Ковьель.

Не беспокойтесь.

Клеонт.

Не пытайся защищать ее – напрасный труд.

Ковьель.

Да у меня и в мыслях этого нет!

Клеонт.

Я ей этого не прощу и порву с ней всякие отношения.

Ковьель.

Хорошо сделаете.

Клеонт.

Ей, по-видимому, вскружил голову этот граф, который бывает у них в доме; я убежден, что она польстилась на его знатность. Однако из чувства чести я не могу допустить, чтобы она первая объявила о своей неверности. Я вижу, что она стремится к разрыву, и намерен опередить ее: я не хочу уступать ей пальму первенства.

Ковьель.

Отлично сказано; я, со своей стороны, вполне разделяю ваши чувства.

Клеонт.

Так подогрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатками любви к ней, дабы они не подавали голоса в ее защиту. Пожалуйста, говори мне о ней как можно больше дурного. Выстави мне ее в самом черном свете и, чтобы вызвать во мне отвращение, старательно отмени все ее недостатки.

Ковьель.

Ее недостатки, сударь? Да ведь это же ломака, смазливая вертихвостка, – нашли, право, в кого влюбиться! Ничего особенного я в ней не вижу: есть сотни девушек гораздо лучше ее. Во-первых, глазки у нее маленькие.

Клеонт.

Верно, глаза у нее небольшие, но зато это единственные в мире глаза: столько в них огня, так они блестят, пронизывают, умиляют.

Ковьель.

Рот у нее большой.

Клеонт.

Да, но он таит в себе особую прелесть: этот ротик невольно волнует, в нем столько пленительного, чарующего, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковьель.

Ростом она невелика.

Клеонт.

Да, но зато изящна и хорошо сложена.

Ковьель.

В речах и в движениях умышленно небрежна.

Клеонт.

Верно, но это придает ей своеобразное очарование. Держит она себя обворожительно, в ней так много обаяния, что не покориться ей невозможно.

Ковьель.

Что касается ума...

Клеонт.

Ах, Ковьель, какой у нее тонкий, какой живой ум!

Ковьель.

Говорит она...

Клеонт.

Говорит она чудесно.

Ковьель.

Она всегда серьезна.

Клеонт.

А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб она была хохотуньей? Что же может быть несноснее женщины, которая всегда готова смеяться?

Ковьель.

Но ведь она самая капризная женщина в мире.

Клеонт.

Да, она с капризами, тут я с тобой согласен, но красавица все может себе позволить, красавице все можно простить.

Ковьель.

Ну, значит, вы ее, как видно, никогда не разлюбите.

Клеонт.

Не разлюблю? Нет, лучше смерть. Я буду ненавидеть ее с такой же силой, с какою прежде любил.

Ковьель.

Как же это вам удастся, если она, по-вашему, верх совершенства?

Клеонт.

В том-то именно и скажется потрясающая сила моей мести, в том-то именно и скажется твердость моего духа, что я возненавижу и покину ее, несмотря на всю ее красоту, несмотря на всю ее привлекательность для меня, несмотря на все ее очарование. Но вот и она.

Явление десятое

Люсиль, Клеонт, Ковьель, Николь.

Николь (*к Люсиль*) .

Я по крайней мере была глубоко возмущена.

Люсиль.

Все это, Николь, из-за того, о чем я тебе сейчас рассказала. А, он здесь!

Клеонт (*Ковьелю*) .

Я и говорить с ней не желаю.

Ковьель.

А я последую вашему примеру.

Люсиль.

Что это значит, Клеонт? Что с вами случилось?

Николь.

Да что с тобой, Ковьель?

Люсиль.

Отчего вы такой грустный?

Николь.

Что это ты надулся?

Люсиль.

Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь.

У тебя язык отнялся, Ковьель?

Клеонт.

Вот злодейка!

Ковьель.

Вот Иуда!

Люсиль.

Я вижу, вас расстроила наша сегодняшняя встреча.

Клеонт (*Ковьелю*) .

Ага! Поняли, что натворили.

Николь.

Наверно, тебя задело за живое то, как нынче утром мы с вами себя держали.

Ковьель (*Клеонту*) .

Знают кошки, чье мясо съели.

Люсиль.

Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт.

Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена радости вам не доставит: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть мое чувство к вам, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковьель (*к Николь*).

А куда он, туда и я.

Люсиль.

Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, почему я сегодня утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт (*пытается уйти от Люсиль*) .

Ничего не желаю слушать.

Николь (*Ковьелю*) .

Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

Ковьель (*пытается уйти от Николь*) .

Ничего знать не желаю.

Люсиль (*идет за Клеонтом*) .

Итак, сегодня утром...

Клеонт (*не глядя на Люсиль, направляется к выходу*)

Еще раз: нет.

Николь (*идет за Ковьелем*) . Было бы тебе известно...

Ковьель (*не глядя на Николь, направляется к выходу*).

Притворщица, отстань!

Люсиль.

Послушайте!

Клеонт.

Конец всему.

Николь.

Дай мне сказать!

Ковьель.

Я глух.

Люсиль.

Клеонт!

Клеонт.

Нет, нет!

Николь.

Ковьель!

Ковьель.

Ни, ни!

Люсиль.
Постойте!
Клеонт.
Басни!
Николь.
Послушай!
Ковьель.
Вздор!
Люсиль.
Минутку!
Клеонт.
Ни за что!
Николь.
Чуть-чуть терпенья!
Ковьель.
Чепуха!
Люсиль.
Два только слова!
Клеонт.
Все кончено, нет, нет
Николь.
Одно словечко!
Ковьель.
Мы не знакомы.
Люсиль (*останавливается*) .

Ну, что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своем мнении и поступайте, как вам заблагорассудится.

Николь (*тоже останавливается*) .
Коли так, поступай, как тебе вздумается.
Клеонт (*поворачивается к Люсиль*) .
Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.
Люсиль (*пытается уйти от Клеонта*) .
У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.
Ковьель (*поворачивается к Николь*) .
Послушаем, однако ж, в чем тут дело.
Николь (*хочет уйти от Ковьяля*) .
У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.
Клеонт (*идет за Люсиль*) .
Расскажите же мне...
Люсиль (*не глядя на Клеонта, направляется к выходу*) .
Ничего не стану рассказывать.
Ковьель (*идет за Николь*) .
Растолкуй же мне...
Николь (*не глядя на Ковьяля, направляется к выходу*) .
Ничего не стану растолковывать.
Клеонт.
О, пощадите!
Люсиль.
Еще раз: нет!
Ковьель.
Будь так любезна!
Николь.

Конец всему.
Клеонт.
Я вас молю!
Люсиль.
Подите прочь!
Ковьель.
Прошу тебя!
Николь.
Ступай-ка вон!

Клеонт.
Люсиль!
Люсиль.
Нет, нет!
Ковьель.
Николь!
Николь.
Ни, ни!
Клеонт.
Ради бога!
Люсиль.
Не желаю!
Ковьель.
Ну, скажи!
Николь.
Ни за что.

Клеонт.
Пролейте свет!
Люсиль.
И не подумаю.
Ковьель.
Открой ты мне глаза!
Николь.
Была охота!
Клеонт.

Ну, что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовь моя не заслужила, то, неблагодарная, вы видите меня в последний раз: я уйду, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.

Ковьель (*к Николь*) .

А я – следом за ним.

Люсиль (*Клеонту, который собирается уходить*) .

Клеонт!

Николь (*Ковьелю, который идет за своим господином*) .

Ковьель!

Клеонт (*останавливается*) .

Что?

Ковьель (*тоже останавливается*) .

Ну?

Люсиль.

Куда же вы?

Клеонт.

Я вам сказал.

Люсиль.

Как, вы хотите умереть?

Клеонт.

О да, жестокая, вы сами этого хотите.

Ковьель.

Мы помирать пошли.

Люсиль.

Я? Я хочу вашей смерти?

Клеонт.

Да, вы хотите.

Люсиль.

Кто вам сказал?

Клеонт (*подходит к Люсиль*) .

Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?

Люсиль.

Да я-то тут при чем? Если б вы с самого начала сообразовали меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тетка, с которой мы вместе шли: она твердо убеждена, что если мужчина, не дай бог, подошел к девушке, тем самым он ее уже обесчестил, вечно читает нам об этом проповеди и старается внушить, что мужчины – это дьяволы и что от них нужно бежать без оглядки.

Николь (*Ковьелю*) .

Вот и весь секрет.

Клеонт.

А вы не обманываете меня, Люсиль?

Ковьель (*к Николь*) .

А ты меня не дурачишь?

Люсиль (*Клеонту*) .

Все это истинная правда.

Николь (*Ковьелю*) .

Все так и было.

Ковьель (*Клеонту*) .

Ну, что ж, поверить им?

Клеонт.

Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово, и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель.

Ну и ловки же умамливать нашего брата эти чертовы куклы!

Явление одиннадцатое

Г-жа Журден, Клеонт, Люсиль, Ковьель, Николь.

Г-жа Журден.

Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придет мой муж: воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт.

Ах, сударыня, как отрадно мне слышать эти слова и как сходятся они с моими собственными желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благодеяния?

Явление двенадцатое

Клеонт, г-н Журден, г-жа Журден, Люсиль, Ковьель, Николь.

Клеонт.

Господин Журден, я решил не прибегать ни к чьему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почел за нужное сам изложить вам ее. Итак, скажу вам не обинюясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден.

Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать мне: дворянин вы или нет?

Клеонт.

Сударь, большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дешевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание, – подобный род воровства, по-видимому, вошел в обычай. Но я на этот счет, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросает тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, – это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почетные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состояние мое таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете, но со всем тем я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моем месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я – не дворянин.

Г-н Журден.

Кончено, сударь: моя дочь – не для вас.

Клеонт.

Как?

Г-н Журден.

Вы – не дворянин: дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден.

Да при чем тут: дворянин, не дворянин? Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого, что ли, происходим?

Г-н Журден.

Молчи, жена: я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден.

Сами-то мы с тобой не из честных мещанских семей?

Г-н Журден.

Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден.

Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден.

Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден.

Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина нищего да нескладного.

Николь.

Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок – такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден (*к Николь*) .

Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостает только почета, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден.

Маркизой?

Г-н Журден.

Да, маркизой.

Г-жа Журден.

Сохрани, господи, и помилуй!

Г-н Журден.

Это дело решенное.

Г-жа Журден.

А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про нее не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой: ведь оба ее деда торговали сукном подле ворот святого Иннокентия. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеть». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден.

Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказала: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозлишь меня еще пуще, так я ее герцогиней сделаю.

Явление тринадцатое

Г-жа Журден, Люсиль, Клеонт, Николь, Ковьель.

Г-жа Журден.

Не унывайте, Клеонт.

(К Люсиль.) Пойдем-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клиента, так ни за кого, мол, не выйду.

Явление четырнадцатое

Клеонт, Ковьель.

Ковьель.

Много вам помогло ваше благородство!

Клеонт.

Что поделаешь! Я на этот счет необычайно щепетилен, и переломить себя – это выше моих сил.

Ковьель.

А кто вам велел относиться к такому человеку серьезно? Разве вы не видите, что он помешался? Ну, что вам стоило снизойти к его слабости?

Клеонт.

Твоя правда, но я никак не мог предполагать, что для того, чтобы стать зятем господина Журдена, требуется предъявить дворянские грамоты.

Ковьель *(хохочет)*.

Ха-ха-ха!

Клеонт.

Чего ты смеешься?

Ковьель.

Я надумал сыграть с нашим умником одну шутку, благодаря которой вы добьетесь своего.

Клеонт.

Что такое?

Ковьель.
Преуморительная штучка!
Клеонт.
Да что же именно?
Ковьель.

Тут у нас недавно был маскарад, и для моей затеи это как раз то, что нужно: я думаю воспользоваться этим для того, чтобы обвести вокруг пальца нашего простофилю. Придется, конечно, разыграть комедию, но с таким человеком все можно себе позволить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы небылиц ему ни наплели, ко всему отнесется с полным доверием. У меня и актеры и костюмы готовы, дайте мне только полную волю.

Клеонт.
Но научи же меня...
Ковьель.
Сейчас я вам все растолкую. Уйдемте-ка отсюда: вон он опять.

Явление пятнадцатое

Г-н Журден один.
Г-н Журден.

Что за черт! То и дело колют мне глаза моим знакомством с вельможами, а для меня ничего не может быть приятнее таких знакомых. От них один только почет и уважение. Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом.

Явление шестнадцатое

Г-н Журден, лакей.
Лакей.
Сударь, там его сиятельство граф под руку с какой-то дамой.
Г-н Журден.
Ах, боже мой! Мне нужно еще отдать кое-какие распоряжения. Скажи, что я сейчас.

Явление семнадцатое

Доримен, Дорант, лакей.
Лакей.
Барин велели сказать, что сейчас выйдут.
Дорант.
Очень хорошо.

Явление восемнадцатое

Доримена, Дорант.
Доримена.
Не знаю, Дорант, по-моему, я все же поступила опрометчиво, что позволила вам привезти меня в незнакомый дом.
Дорант.
Где же, в таком случае, маркиза, моя любовь могла бы вас приветствовать, коль скоро вы во избежание огласки не желаете со мной встречаться ни у себя дома, ни у меня?
Доримена.
Да, но вы не хотите сознаться, что я незаметно для себя привыкаю к ежедневным и слишком сильным доказательствам вашей любви ко мне. Сколько бы я ни отказывалась, в

конце концов я все же сдаюсь на ваши уговоры: своею деликатною настойчивостью вы добиваетесь от меня того, что я готова исполнить любое ваше желание. Началось с частых посещений, за ними последовали признания, признания повлекли за собой серенады и представления, а там уж пошли подарки. Я всему этому противилась, но вы неисправимы, и всякий раз вам удастся сломить мое упорство. Теперь я уже ни за что не отвечаю: боюсь, что вы все же склоните меня на брак, хотя я всячески этого избегала.

Дорант.

Давно пора, маркиза, уверяю вас. Вы вдова, вы ни от кого не зависите. Я тоже сам себе господин и люблю вас больше жизни. Отчего бы вам сегодня же не составить мое счастье?

Доримена.

Ах, боже мой, Дорант, для того чтобы совместная жизнь была счастливой, от обеих сторон требуется слишком много! Как часто благоразумнейшим супругам не удается создать союз, который бы их удовлетворял!

Дорант.

Помилуйте, маркиза, вы явно преувеличиваете трудности, а ваш собственный опыт еще ничего не доказывает.

Доримена.

Как бы там ни было, я возвращаюсь к тому же. Я ввожу вас в расходы, и это меня беспокоит: во-первых, они обязывают меня больше, чем я бы хотела, а во-вторых, простите за откровенность, я уверена, что они не могут вас не обременять, а мне это неприятно.

Дорант.

Ах, маркиза, это сущие пустяки, и вас это не должно...

Доримена.

Я знаю, что говорю. Между прочим, брильянт, который вы заставили меня принять,— такая дорогая вещь...

Дорант.

Маркиза, умоляю, не переоценивайте вещицы, которую моя любовь считает недостойною вас, и позвольте... Но вот и хозяин дома.

Явление девятнадцатое

Г-н Журден, Доримена, Дорант.

Г-н Журден (сделав два поклона, оказывается на слишком близком расстоянии от Доримены).

Чуть-чуть назад, сударыня.

Доримена.

Что?

Г-н Журден.

Если можно, на один шаг.

Доримена.

Что такое?

Г-н Журден.

Отступите немного, а то я не могу сделать третий поклон.

Дорант.

Господин Журден любит изысканное обхождение.

Г-н Журден.

Сударыня, это величайшая для меня радость, что я оказался таким баловнем судьбы и таким, можно сказать, счастливцем, что имею такое счастье и вы были так добры, что сделали мне милость и пожелали почтить меня почетом благосклонного своего присутствия, и если б только я был достоин удостоиться таких достоинств, каковы ваши... и небо... завидующее моему блаженству... предоставило мне... преимущество заслужить... заслужить...

Дорант.

Довольно, господин Журден! Маркиза не любит длинных комплиментов. Она и так уже слышана о необычайной остроте вашего ума. (*Тихо Доримене*) . Как видите, у этого славного мещанина манеры довольно забавные.

Доримена (*тихо Доранту*) .

Это нетрудно заметить.

Дорант.

Позвольте вам представить, маркиза, лучшего моего друга...

Г-н Журден.

Это для меня слишком много чести.

Дорант.

...человека вполне светского.

Доримена.

Я испытываю к нему глубокое уважение.

Г-н Журден.

Я еще ничего не сделал, сударыня, чтобы заслужить такую милость.

Дорант (*тихо г-ну Журдену*) .

Смотрите не проговоритесь о брильянте, который вы ей подарили.

Г-н Журден (*тихо Доранту*) .

Можно только спросить, как он ей понравился?

Дорант (*тихо г-ну Журдену*) .

Что вы! Боже вас сохрани! Это было бы с вашей стороны неучтиво. Если желаете походить на вполне светского человека, то, наоборот, сделайте вид, будто это не вы ей подарили. (*Громко Доримене.*) Господин Журден говорит, что он вам несказанно рад.

Доримена.

Я очень тронута.

Г-н Журден (*тихо Доранту*) .

Как я вам признателен, что вы замолвили за меня словечко перед маркизой!

Дорант (*тихо г-ну Журдену*) .

Я еле уговорил ее поехать к вам.

Г-н Журден (*тихо Доранту*) .

Не знаю, чем мне вас отблагодарить.

Дорант.

Он говорит, маркиза, что вы первая в мире красавица.

Доримена.

Мне это очень лестно.

Г-н Журден.

Это мне, сударыня, лестно, что вы...

Дорант.

А не пора ли обедать?

Явление двадцатое

Г-н Журден, Доримена. Дорант, лакей.

Лакей (*г-ну Журдену*) .

Все готово, сударь.

Дорант.

В таком случае пойдемте к столу, и пусть позовут певцов.

Явление двадцать первое

Балет.

Шесть поваров, приготовивших парадный обед, танцуют вместе, что и составляет

третью интермедию; затем они вносят уставленный блюдами стол.

Действие четвертое

Явление первое

Доримена, г-н Журден, Дорант, трое певцов, лакеи.

Доримена.

Дорант, что я вижу? Да это же роскошный пир!

Г-н Журден.

Полноте, сударыня, я бы хотел предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена, г-н Журден, Дорант и трое певцов садятся за стол.

Дорант.

Господин Журден совершенно прав, маркиза, и я ему весьма признателен за то, что он вам оказывает столь радушный прием. Я с ним согласен, что обед недостаточно для вас великолепен. Я его заказывал сам, но в этой области я не такой тонкий знаток, как некоторые наши друзья, а потому и трапеза получилась не очень изысканная, так что вы найдете здесь прямые нарушения правил поваренного искусства и отклонения от строгого вкуса. Вот если б это взял на себя Дамис, тогда уж ни к чему нельзя было бы придаться: во всем были бы видны изящество и знание дела, он сам расхваливал бы каждое кушанье и в конце концов вынудил бы вас признать его незаурядные способности к науке чревоугодия. Он рассказал бы вам о поджаренных хлебцах со сплошной золотистой корочкой, нежно хрустящей на зубах, о бархатистом, в меру терпком вине, о бараньей лопатке, нашпигованной петрушкой, о затылке нормандского тельца, вот этаким длинным, белом, нежном, который так и тает во рту, о дивно пахнущих куропатках и, как о венце творенья, о бульоне с блестками жира, за которым следует молоденькая упитанная индейка, обложенная голубями и украшенная белыми луковками вперемешку с цикорием. А что касается меня, то я принужден сознаться в собственном невежестве и, пользуясь удачным выражением господина Журдена, хотел бы предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена.

Я ем с большим аппетитом – вот как я отвечаю на ваш комплимент.

Г-н Журден.

Ах, какие прелестные ручки!

Доримена.

Руки обыкновенные, господин Журден, но вы, вероятно, имеете в виду брильянт, – вот он действительно очень хорош.

Г-н Журден.

Что вы, сударыня, боже меня сохрани, это было бы недостойно светского человека, да к тому же сам брильянт – сущая безделица.

Доримена.

Вы слишком требовательны.

Г-н Журден.

А вы чересчур снисходительны.

Дорант (*сделав знак г-ну Журдену*).

Налейте вина господину Журдену и вот этим господам, которые будут так любезны, что споют нам застольную песню.

Доримена.

Музыка – чудесная приправа к хорошему обеду. Должна заметить, что угощают меня здесь на славу.

Г-н Журден.

Сударыня, не мне...

Дорант.

Господин Журден, послушаем наших певцов: то, что они нам скажут, куда лучше всего того, что можем сказать мы.

Первый и второй певцы (поют с бокалами в руках).

Филида, сделай знак мне пальчиком своим, –

Вино в твоих руках так искристо сверкает!

Твоя краса меня одушевляет,

И страстию двойной я ныне одержим.

Вино, и ты, и я – отныне быть должны мы

Навек неразделимы.

Вино в твоих устах горит живым огнем,

Твои уста вину окраску сообщают.

О как они друг друга дополняют!

Я опьянен вдвойне – тобою и вином.

Вино, и ты, и я – отныне быть должны мы

Навек неразделимы!

Второй и третий певцы

Будем, будем пить вино, –

Время слишком быстролетно:

Надо, надо беззаботно

Брать, что в жизни суждено!

Темны реки забвенья волны:

Там нет ни страсти. ни вина.

А здесь бокалы полны, –

Так пей, так пей до дна!

Пусть разумники порой

Речи мудрые заводят,

Наша мудрость к нам приходит

Лишь с бутылкой и едой.

Богатство, знание и слава

Не избавляют от забот.

Кто пьян – имеет право

Сказать, что он живет!

Все трое вместе

Лей, мальчик, лей, полнее наливай,

Пока не перельется через край!

Доримена.

Лучше спеть невозможно. Просто прекрасно!

Г-н Журден.

А я вижу перед собой, сударыня, нечто более прекрасное.

Доримена.

Что я слышу? Я и не думала, что господин Журден может быть так любезен.

Дорант.

Помилуйте, маркиза! За кого же вы принимаете господина Журдена?

Г-н Журден.

Я хочу, чтоб она принимала меня за чистую монету.

Доримена.

Опять?

Дорант.

Вы его еще не знаете.

Г-н Журден.

Она меня узнает, как только пожелает.

Доримена.

Да он неистощим!

Дорант.

Господин Журден за словом в карман не лезет. Но вы даже не замечаете, маркиза, что он доедает все кусочки, до которых вы дотрагиваетесь.

Доримена.

Господин Журден приводит меня в восхищение.

Г-н Журден.

Вот если б я мог надеяться на похищение вашего сердца, я был бы...

Явление второе

Г-жа Журден, г-н Журден, Доримена, Дорант, певцы, лакеи.

Г-жа Журден.

Ба! Ба! Да здесь приятная компания, и, как видно, меня не ждали! Так вот почему тебе не терпелось, любезный мой супруг, спроводить меня на обед к моей сестре? Сначала представление, а потом и пир горой! Нечего сказать, нашел куда девать денежки: потчуешь в мое отсутствие дам, нанимаешь для них певцов и комедиантов, а меня – со двора долой.

Дорант.

Что вы говорите, госпожа Журден? Что это у вас за фантазия? Откуда вы взяли, что ваш муж тратит деньги и что это он дает в честь дамы обед? Да будет вам известно, что обед устраиваю я, а он только предоставил для этого свой дом, – советую вам прежде подумать хорошенько, а потом уже говорить.

Г-н Журден.

Вот то-то, глупая: обед устраивает его сиятельство граф в честь этой знатной дамы. Он оказал мне особую милость тем, что избрал для этого мой дом и пригласил и меня.

Г-жа Журден.

Все враки. Я знаю, что знаю.

Дорант.

Наденьте, госпожа Журден, очки получше.

Г-жа Журден.

Мне очки не нужны, сударь, я и так хорошо вижу. Я давно уже чую недоброе, напрасно вы думаете, что я такая дура. Стыдно вам, благородному господину, потакать дурачествам моего мужа. И вам, сударыня, такой важной даме, не к лицу и негоже вносить в семью раздор и позволять моему мужу за вами волочиться.

Доримена.

Что все это значит? Послушайте, Дорант, вы издеваетесь надо мной? Заставлять меня выслушивать нелепые бредни этой вздорной женщины!

Дорант *(бежит за Дорименой)* .

Маркиза, погодите! Маркиза, куда же вы?

Г-н Журден.

Сударыня!.. Ваше сиятельство, извинитесь перед ней за меня и уговорите ее вернуться!

Явление третье

Г-жа Журден, г-н Журден, лакеи.

Г-н Журден.

Ах ты, дура этакая, вот что ты натворила! Осрамила меня перед всем светом! Ведь это же надо: выгнать из моего дома знатных особ!

Г-жа Журден.

Плевать мне на их знатность.

Г-н Журден.

Вот я тебе сейчас, окаянная, разобью голову тарелкой за то, что ты расстроила наш обед!

Лакеи выносят стол.

Г-жа Журден (*уходя*).

Испугалась я тебя, как же! Я свои права защищаю, все женщины будут на моей стороне.

Г-н Журден.

Счастье твое, что ты скорей от меня наутек!

Явление четвертое

Г-н Журден один.

Г-н Журден.

Вот уж не вовремя явилась! Я как нарочно был в ударе и блистал остроумием. А это еще что такое?

Явление пятое

Г-н Журден, Ковьель переодетый.

Ковьель.

Не знаю, сударь, имею ли я честь быть вам знакомым.

Г-н Журден.

Нет, сударь.

Ковьель (*показывает рукой на фут от полу*).

А я знал вас еще вот таким.

Г-н Журден.

Меня?

Ковьель.

Да. Вы были прелестным ребенком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден.

Меня? Целовали?

Ковьель.

Да. Я был близким другом вашего покойного батюшки.

Г-н Журден.

Моего покойного батюшки?

Ковьель.

Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден.

Как вы сказали?

Ковьель.

Я сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден.

Кто, мой отец?

Ковьель.

Да.

Г-н Журден.

Вы его хорошо знали?

Ковьель.

Ну, еще бы!

Г-н Журден.

И вы его знали за дворянина?

Ковьель.

Разумеется.

Г-н Журден.

Вот после этого и верь людям!

Ковьель.

А что?

Г-н Журден.

Есть же такие олухи, которые уверяют, что он был купцом!

Ковьель.

Купцом? Да это явный поклеп, он никогда не был купцом. Видите ли, он был человек весьма обходительный, весьма услужливый, а так как он отлично разбирался в тканях, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, приказывал отнести их к себе на дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден.

Я очень рад, что с вами познакомился: вы, я думаю, не откажетесь засвидетельствовать, что мой отец был дворянин.

Ковьель.

Я готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден.

Вы чрезвычайно меня обяжете. Чем же могу вам служить?

Ковьель.

С той поры, когда я водил дружбу с покойным вашим батюшкой, как я вам уже сказал, с этим настоящим дворянином, я успел объехать весь свет.

Г-н Журден.

Весь свет?

Ковьель.

Да.

Г-н Журден.

Должно полагать, это очень далеко.

Ковьель.

Конечно. Всего четыре дня, как я возвратился из долгого путешествия, и так как я принимаю близкое участие во всем, что касается вас, то почел своим долгом прийти сообщить вам в высшей степени приятную для вас новость.

Г-н Журден.

Какую?

Ковьель.

Известно ли вам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден.

Мне? Нет, неизвестно.

Ковьель.

Как же так? У него блестящая свита, все сбегаются на него посмотреть, его принимают у нас как чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден.

Ей-богу, я ничего не знаю.

Ковьель.

Для вас тут существенно то, что он влюблен в вашу дочь.

Г-н Журден.

Сын турецкого султана?

Ковьель.

Да. И он метит к вам в зятя.

Г-н Журден.

Кто мне в зятя? Сын турецкого султана?

Ковьель.

Сын турецкого султана – к вам в зятя. Я посетил его, турецкий язык я знаю в совершенстве, мы с ним разговорились, и между прочим он мне сказал: «Аксям крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варахни уссерэ карбулат», то есть: «Не видал ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден.

Сын турецкого султана так про меня сказал?

Ковьель.

Да. Я ответил, что знаю вас хорошо и дочку вашу видел, а он мне на это: «Ах, марабаба сахем!», то есть: «Ах, как я люблю ее!»

Г-н Журден.

«Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее»?

Ковьель.

Да.

Г-н Журден.

Хорошо, что вы сказали, сам бы я нипочем не догадался, что «Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее». Какой изумительный язык!

Ковьель.

Еще какой изумительный! Вы знаете, что значит «какаракамушен»?

Г-н Журден.

«Какаракамушен»? Нет.

Ковьель.

Это значит: «душенька моя».

Г-н Журден.

«Какаракамушен» значит: «душенька моя»?

Ковьель.

Да.

Г-н Журден.

Чудеса! «Какаракамушен»—"душенька моя"! Кто бы мог подумать! Это поразительно!

Ковьель.

Так вот, исполняя его поручение, я довожу до вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамамуши» – это у них такое высокое звание.

Г-н Журден.

В «мамамуши»?

Ковьель.

Да. «Мамамуши», по-нашему, все равно что паладин. Паладин – это у древних... одним словом, паладин. Это самый почетный сан, какой только есть в мире, – вы станете в один ряд с наизнатнейшими вельможами.

Г-н Журден.

Сын турецкого султана делает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему: я хочу его поблагодарить.

Ковьель.

Зачем? Он сам к вам приедет.

Г-н Журден.

Он ко мне приедет?

Ковьель.

Да, и привезет с собой все, что нужно для церемонии вашего посвящения.

Г-н Журден.

Уж больно он скор.

Ковьель.

Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден.

Меня смущает одно: моя дочь упряма – влюбилась по уши в некоего Клеонта и клянется, что выйдет только за него.

Ковьель.

Она передумает, как скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеонт похожи друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеонта, мне его показали... так что чувство, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Однако я слышу шаги турка. Вот и он.

Явление шестое

Клеонт, одетый турком; три пажа несут полы его кафтана; г-н Журден, Ковьель.

Клеонт.

Амбусахим оки бораф, Джиурдина, селям алейкюм.

Ковьель (*г-ну Журдену*) .

Это значит: «Господин Журден, да цветет сердце ваше круглый год, будто розовый куст». Это у них все так изысканно выражаются.

Г-н Журден.

Я покорнейший слуга его турецкого высочества.

Ковьель.

Каригар камбото устин мораф.

Клеонт.

Устин йок катамалеки басум басэ алла моран.

Ковьель.

Он говорит: «Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи».

Г-н Журден.

Его турецкое высочество оказывает мне слишком большую честь, я же, со своей стороны, желаю ему всяческого благополучия.

Ковьель.

Осса бинамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт.

Ни бель мес.

Ковьель.

Он говорит, чтобы вы сей же час шли с ним готовиться к церемонии, а затем отвели его к дочке на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журден.

Это он столько выразил в трех словах?

Ковьель.

Да. Таков турецкий язык: всего несколько слов, а сказано много. Идите же с ним скорей!

Явление седьмое

Ковьель один.

Ковьель.

Ха-ха-ха! Потеха, право, потеха! Этаким дурачина! Выучи он свою роль заранее, все равно лучше бы не сыграл. Ха-ха-ха!

Явление восьмое

Дорант, Ковьель.

Ковьель.

Сударь, помогите нам, пожалуйста, в одном дельце, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант.

Ха-ха-ха! Это ты, Ковьель? Тебя просто не узнать. Как это ты так вырядился?

Ковьель.

Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант.

Чего ты смеешься?

Ковьель.

Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант.

Что же это такое?

Ковьель.

Бьюсь об заклад, сударь, что вы не догадаетесь, какую ловушку приготовили мы для господина Журдена, чтобы он согласился на брак своей дочери с моим господином.

Дорант.

Я не догадываюсь, какая именно это ловушка, но зато догадываюсь, что успех ей обеспечен, коль скоро за дело берешься ты.

Ковьель.

Вам, конечно, сударь, известно, на какого зверя мы охотимся.

Дорант.

Расскажи мне, что вы задумали.

Ковьель.

Потрудитесь отойти в сторонку, а то вон уже идут сюда, надо пропустить. Сейчас вы увидите часть комедии, а я тем временем доскажу остальное.

Явление девятое

Турецкая церемония.

Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие, свита муфтия

Первый балетный выход.

Шестеро турок под музыку торжественно идут парами. Они несут три ковра и, протанцевав несколько фигур, поднимают ковры высоко над головой. Поющие турки проходят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны сцены. Муфтий с дервишами замыкает шествие. Далее турки расстилают ковры и становятся на колени, муфтий и дервиши стоят посредине. Муфтий разными ужимками и гримасами, но без слов призывает Магомета, а в это время турки, составляющие его свиту, prostираются ниц и поют «Алла», затем воздевают руки к небу и снова поют «Алла», и так до конца муфтиевой молитвы, после чего все они поднимаются с полу и поют «Алла экбер», а двое дервишей идут за г-ном Журденом.

Явление десятое

Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие, г-н Журден, одетый турком, с бритой головой, без тюрбана и без сабли.

Муфтий (г-ну Журдену).

Когда ты знай,

То отвечай.

Когда не знай,

Тогда молчай.

Я муфтий здесь,

А ты кто есь?

Не понимай?
Молчай, молчай!
Двое дервишей уводят г-на Журдена

Явление одиннадцатое

Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие.

Муфтий.

Сказать мне, турки, кто он иста? Анабаптиста? Анабаптиста?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Цвинглиста?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Коффиста?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Гусита? Мориста? Фрониста?

Турки.

Йок. Йок. Йок.

Муфтий.

Йок. Йок. Йок. Язычникана?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Лютерана?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Пуритана?

Турки.

Йок.

Муфтий.

Брамина? Моффина? Зурина?

Турки.

Йок. Йок. Йок.

Муфтий.

Йок. Йок. Йок.. Магометана? Магометана?

Турки.

Эй валла! Эй валла!

Муфтий.

Как прозвание? Как прозвание?

Турки.

Джиурдина, Джиурдина.

Муфтий (*подпрыгивая*) .

Джиурдина. Джиурдина.

Турки.

Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий.

Магомета господина,
Я просить за Джиурдина
Его сделать паладина,
Дать ему алебардина
И отправить Палестина
На галера бригантина
И со всеми сарацина
Воевать христианина.
Магомета господина,
Я просить за Джиурдина!
(Туркам.)
Карош турка Джиурдина?
Турки.
Эй валла! Эй валла!
Муфтий (поет и пляшет) .
Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.
Турки.
Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Явление двенадцатое

Турки, поющие и танцующие.

Явление тринадцатое

*Муфтий, дервиши, г-н Журден, турки, поющие и танцующие.
Второй балетный выход.*

Впереди идет муфтий; на голове у муфтия – невероятной величины парадный тюрбан, к которому в несколько рядов прикреплены зажженные свечи; за ним двое дервишей в остроконечных шапках, на которых тоже красуются зажженные свечи, несут Коран. Двое других дервишей вводят г-на Журдена и ставят его на колени, так чтобы руки касались земли, а спина служила подставкой для Корана; муфтий кладет ему на спину Коран и снова начинает, паясничая, призывать Магомета: сдвигает брови, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перелистывает, затем воздевает руки к небу и восклицает: «Гу!» Во время этой второй церемонии турки, составляющие его свиту, то наклоняются, то выпрямляются и тоже восклицают: «Гу, гу, гу!»

Г-н Журден (после того, как у него со спины сняли коран) .

Ух!

Муфтий (г-ну Журдену)

Твой не обманос?

Турки.

Нет, нет, нет.

Муфтий.

Не шарлатанос?

Турки

Нет, нет, нет.

Муфтий (туркам).

Дать ему тюрбанос!

Турки.

Твой не обманос?

Нет, нет, нет.

Не шарлатанос?

Нет, нет, нет.
Дать ему тюрбанос!
Третий балетный выход.
Танцующие турки под музыку надевают на г-на Журдена тюрбан.
Муфтий (*подавая г-ну Журдену саблю*) .
Твой – дворян.
Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.
Турки (*обнажая сабли*) .
Твой – дворян.
Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.
Четвертый балетный выход.
Танцующие турки в такт музыке наносят г-ну Журдену удары саблями плашмя.
Муфтий.
Палка, палка,
Бей – не жалко.
Турки
Палка, палка,
Бей – не жалко.
Пятый балетный выход.
Танцующие турки в такт музыке бьют г-на Журдена палками.
Муфтий.
Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!
Турки.
Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!
Муфтий в третий раз начинает призывать Магомета. Дервиши почтительно поддерживают его под руки; затем турки, и поющие и танцующие, начинают прыгать вокруг муфтия и, наконец, удаляются вместе с ним и уводят с собой г-на Журдена.

Действие пятое

Явление первое

Г-жа Журден, г-н Журден.
Г-жа Журден.
Господи помилуй! Это еще что такое? На кого ты похож? Что это ты на себя напялил? Рядиться вздумал? Да говори же, наконец, что все это значит? Кто это тебя таким шутком гороховым вырядил?
Г-н Журден.
Вот дура! Так разговаривать с мамамуши!
Г-жа Журден.
Что такое?
Г-н Журден.
Да, да, теперь все должны быть со мною почтительны. Меня только что произвели в мамамуши.

Г-жа Журден.
Как это понять – мамamuши?
Г-н Журден.
Говорят тебе – мамamuши. Я теперь мамamuши.
Г-жа Журден.
Это еще что за зверь?
Г-н Журден.
Мамamuши, по-нашему паладин.
Г-жа Журден.
Балдин? Балда ты и есть. Вздумал на старости лет в пляс пускаться.
Г-н Журден.
Вот темнота! Это такой сан, в который меня сейчас посвятили.
Г-жа Журден.
Как так посвятили?
Г-н Журден.
Магомета господина, я молить за Джиурдина.
Г-жа Журден.
Что это значит?
Г-н Журден.
«Джиурдина» – значит Журден
Г-жа Журден.
Ну, Журден, а дальше?
Г-н Журден.
Его сделать паладина.
Г-жа Журден.
Как?
Г-н Журден.
И отправить в Палестина на галера бригантина.
Г-жа Журден.
Это зачем же?
Г-н Журден.
И со всеми сарацина воевать христианина.
Г-жа Журден.
Да что ты несешь?
Г-н Журден.
Палка, палка, бей – не жалко!
Г-жа Журден.
Что за тарабарщина!
Г-н Журден.
Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться.
Г-жа Журден.
Да что же это такое?
Г-н Журден (*приплясывает и поет*) .
У-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.
(*Падают.*)
Г-жа Журден.
Боже милосердный, мой муж совсем с ума сошел!
Г-н Журден (*встает и направляется к выходу*) .
Перестань, грубиянка! Относись с уважением к господину мамamuши.
Г-жа Журден (*одна*) .
Когда же это он успел рехнуться? Скорей за ним, а то еще убежит из дому! (*Увидев Доримену и Доранта.*) А-а, вас здесь только не хватало! Час от часу не легче.

Явление второе

Дорант, Доримена.

Дорант.

Да, маркиза, вас ожидает презабавное зрелище. Могу ручаться, что такого сумасброда, каков наш Журден, вы нигде не найдете. Затем наш долг – принять участие в сердечных делах Клеонта и поддержать его затею с маскарадом. Он премилый человек, и ему стоит помочь.

Доримена.

Я о нем очень высокого мнения. Он вполне достоин счастья.

Дорант.

Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удачен мой замысел.

Доримена.

Я заметила здесь грандиозные приготовления, и вот что, Дорант: больше я этого не потерплю. Да, да, я хочу положить конец вашей расточительности: чтобы вы больше на меня не тратились, я решила выйти за вас замуж не откладывая. Это единственное средство: со свадьбой все эти безумства кончатся.

Дорант.

Неужели вы, и правда, намерены принять столь отрадное для меня решение?

Доримена.

Это только для того, чтобы вы не разорились, иначе, я убеждена, недалек тот час, когда вы останетесь без гроша.

Дорант.

О, как я признателен вам за ваши заботы о моем состоянии! Оно всецело принадлежит вам так же точно, как и мое сердце: распоряжайтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена.

Я сумею распорядиться и тем и другим. Но вот и наш чудак. Вид у него обворожительный!

Явление третье

Г-н Журден, Доримена, Дорант.

Дорант.

Милостивый государь, мы с маркизой явились поздравить вас с новым званием и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден (*кланяется им по-турецки*) .

Желаю вам, ваше сиятельство, силу змеи и мудрость льва.

Доримена.

Я имею счастье, сударь, одною из первых приветствовать вас по случаю того, что вы взошли на высшую ступень славы.

Г-н Журден.

Желаю вам, сударыня, чтоб ваш розовый куст цвел круглый год. Я вам бесконечно благодарен за то, что вы пришли меня честковать, и весьма рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искренние извинения за дикую выходку моей жены.

Доримена.

Пустое! Я охотно прощаю ей этот невольный порыв. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего удивительного, что, обладая таким сокровищем, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден.

Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант.

Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена.

Это признак души истинно благородной.

Дорант.

А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему свое почтение.

Г-н Журден.

Вот он идет. Я уж послал за дочерью, чтоб она отдала ему руку и сердце.

Явление четвертое

Г-н Журден, Доримена, Дорант, Клеонт, одетый турком.

Дорант (*Клеонту*) .

Ваше высочество, в качестве друзей вашего почтенного тестя мы явились засвидетельствовать вам глубочайшее наше уважение и всепокорнейше принести уверения в совершенной нашей преданности.

Г-н Журден.

Где же это толмач? Он бы вас ему представил и растолковал, что вы хотите сказать. Вот увидите, он вам непременно ответит: он прекрасно говорит по-турецки. Эй! Эй! Куда же это его унесло?

(*Клеонту.*) Струф, стриф, строф, страф. Этот каспатин балшой велмош, балшой велмош, а эта каспаша – ух, какой снатна тама, ух, какой снатна тама! (*Видя, что тот ничего не понимает.*) Ага! (*Указывая на Доранта.*) Он Французский мамамуши, она французская мамамушина. Яснее выразиться не могу. Вот, слава богу, и переводчик.

Явление пятое

Г-н Журден, Доримена, Дорант, Клеонт, одетый турком, Ковьель, тоже переодетый.

Г-н Журден.

Где же вы? Мы без вас как без рук. (*Указывая на Клеонта.*) Скажите ему, пожалуйста, что этот господин и эта дама – особы из высшего общества и что они в качестве моих друзей явились засвидетельствовать ему свое почтение и принести уверения в преданности.

(*Доримене и Доранту.*) Послушайте, что он ответит.

Ковьель.

Алабала кросьям якши борам алабамен.

Клеонт.

Каталеки тубал урин сотер амалушан.

Г-н Журден (*Доранту и Доримене*) .

Слышите?

Ковьель.

Он желает, чтобы дождь благоденствия во всякое время орошал вертоград вашего семейства.

Г-н Журден.

Я вам не зря сказал, что он говорит по-турецки!

Дорант.

Поразительно!

Явление шестое

Люсиль, Клеонт, г-н Журден, Доримена, Дорант, Ковьель.

Г-н Журден.

Иди сюда, дочь моя, подойди поближе и дай руку этому господину, который делает тебе честь, что сватается за тебя.

Люсиль.

Что с вами, батюшка? Что вы с собой сделали? Или вы комедию играете?

Г-н Журден.

Нет, нет, это вовсе не комедия, это дело очень даже серьезное и такое для тебя почетное, что лучше не придумаешь.

(Указывая на Клеонта.) Вот кого я даю тебе в мужа.

Люсиль.

Мне, батюшка?

Г-н Журден.

Ну да, тебе. Скорей подай ему руку и благодари бога за такое счастье.

Люсиль.

Я не желаю выходить замуж.

Г-н Журден.

А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль.

Ни за что.

Г-н Журден.

Без всяких разговоров! Поживей, тебе говорят! Ну, давай же руку!

Люсиль.

Нет, батюшка, я уже вам сказала, что нет такой силы, которая принудила бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеонта, и я скорей решусь на любую крайность, чем...

(Узнает Клеонта.) Конечно, вы мой отец, я должна вам беспрекословно повиноваться, устраивайте мою судьбу, как вам будет угодно.

Г-н Журден.

Ах, как я рад, что сознание долга так скоро к тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь.

Явление седьмое

Г-жа Журден, Клеонт, г-н Журден, Люсиль, Дорант, Доримена, Ковель.

Г-жа Журден.

Это что такое? Что это еще за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден.

Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки, ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден.

Это тебя никакими силами не приведешь в разум: так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал и к чему это соборище?

Г-н Журден.

Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден.

За сына турецкого султана?

Г-н Журден.

Да.

(Указывая на Ковеля.) Засвидетельствуй ему свое почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден.

Не нужно мне никакого толмача, я сама скажу ему прямо в глаза, что дочка моей ему не видать.

Г-н Журден.

Да замолчишь ли ты наконец?

Дорант.

Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден.

Ради бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена.

Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден.

И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть куда не спрашивают.

Дорант.

Мы о вас же заботимся – единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден.

Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант.

Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден.

Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант.

Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден.

Она может забыть Клеонта?

Дорант.

Чем только не поступают ради того, чтобы именоваться знатною дамой!

Г-жа Журден.

Если она выкинула такую штуку, я ее своими руками задушу.

Г-н Журден.

Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден.

А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден.

Довольно разговоров!

Люсиль.

Матушка!

Г-жа Журден.

А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден (*жене*) .

Ты что же это, бранишь ее за повиновение отцу?

Г-жа Журден.

Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковьель (*г-же Журден*) .

Сударыня!

Г-жа Журден.

А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковьель.

Только одно слово.

Г-жа Журден.

Очень мне нужно ваше слово!

Ковьель (*г-ну Журдену*) .

Сударь, если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит свое согласие.

Г-жа Журден.

Ни за что не соглашусь.

Ковьель.

Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден.

Не выслушаю.

Г-н Журден (*жене*) .

Выслушай его!

Г-жа Журден.

Не желаю я его слушать.

Г-н Журден.

Он тебе растолкует...

Г-жа Журден.

Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден.

До чего же все женщины упрямы! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковьель.

Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте, как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден.

Ну, что у вас такое?

Ковьель (*тихо г-же Журден*) .

Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что все это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена с его вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана – не кто иной, как сам Клеонт.

Г-жа Журден (*тихо Ковьелю*) .

Ах, вот в чем дело!

Ковьель (*тихо г-же Журден*) .

А я, Ковьель, при нем переводчиком.

Г-жа Журден (*тихо Ковьелю*) .

Ну, коли так, то я сдаюсь.

Ковьель (*тихо г-же Журден*) .

Только не подавайте виду.

Г-жа Журден (*громко*) .

Да... Все уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден.

Ну, вот все и образумились!

(*Жене.*) А ты еще не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден.

Он мне все толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом.

Дорант.

Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден.

Я и на это согласна.

Г-н Журден (*тихо Доранту*) .

Это вы для отвода глаз?

Дорант (*тихо г-ну Журдену*) .

Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден (*тихо*) .

Отлично, отлично!

(*Громко.*) Пошлите за нотариусом!

Дорант.

А пока он придет и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет, – это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден.

Прекрасная мысль. Пойдемте занимать места.

Г-жа Журден.

А как же Николь?

Г-н Журден.

Николь я отдаю толмачу, а мою супругу – кому угодно.

Ковьель.

Благодарю вас, сударь.

(*В сторону.*) Ну, уж другого такого сумасброда на всем свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.